

РОЛЬ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2013 Д. В. АНДРЕЕВ

*доцент, канд. юрид. наук, профессор каф. философии права
и юридической логики
e-mail: dandreev@kmu.gov.ua*

Национальная академия внутренних дел Украины

В статье рассматривается особая роль массмедийных коммуникаций в конструировании правового пространства. Институт средств массовой информации в этом процессе рассматривается как источник самостоятельной социально-правовой коммуникации. В работе подчеркивается двуединая тенденция СМИ, которая выражается, с одной стороны, в конституциировании коммуникации, как источника правосознания, с другой – в необходимости правового регулирования самих коммуникативных отношений.

Ключевые слова: средства массовой информации, массовые коммуникации, правосознание, информационное общество, правовое пространство.

Проблемы поиска коммуникационных моделей общества интересовали философов и правоведов с момента возникновения письменности. Однако наибольшего расцвета идеи и концепции информационного общества как составляющего звена правового пространства достигли лишь в середине позапрошлого столетия. Мыслители XIX века теорию развития правового пространства рассматривали, с одной стороны, как теорию дифференциации общества на функциональные подсистемы, а с другой – как эволюционный путь социально-правовой коммуникации. Оба предположения рационально объединить в тезис, согласно которому потребность в коммуникациях со временем будет только возрастать, значение социально-правовой коммуникаций в информационном обществе увеличится, а их формы в ходе эволюции правового пространства претерпят значительных изменений.

Основные подходы к изучению теории массового правового сознания и массовых коммуникаций, как социально-правового явления были заложены Максом Вебером (нем. Maximilian Carl Emil Weber). Классиками теории массового правосознания по праву считаются Гюстав Ле Бон (фр. Le Bon Gustave), Элиас Канетти (англ. Elias Canetti), Серж Московичи (фр. Serge Moscovici), Хосе Ортега-и-Гассет (исп. Jose Ortega y Gasset) и др. Роль средств массовой информации в информационном обществе в большей мере исследовалась Теодором Адорно (англ. Theodor Adorno) и Гербертом Маркузе (англ. Herbert Marcuse). Функции массмедиа в информационном обществе представлены в работах Элвина Тоффлера (англ. Alvin Toffler). Мишель Фуко (фр. Michel Foucault) осуществил фундаментальное исследование властных отношений и взаимовлияния массовой информации и власти.

На постсоветском пространстве роль социально-правовой коммуникации в конструировании правового пространства, а также основы функционирования информационного общества детально изучали ученые Т.И. Арсеньева, Г.П. Бакулев, А.Б. Белоусов, М.С. Вершинин, Д.П. Гавра, Б.Н. Головкин, М.Н. Грачев, И.М. Дзялошинский, В.В. Егоров, С.Е. Каптерев, О.И. Карпухин, И.Ю. Киселев, В.И. Кравченко, Д.В. Миронов, О.Б. Негодаева, Ю.А. Нисневич, Д.В. Ольшанский, И.Н. Панарин, К.В. Парфенов, Г.Г. Почепцов, А. Цуладзе, С.А. Шомова, И.П. Яковлев.

Различные мнения исследователей лишь подчеркивают неоднозначность подходов к осмыслению роли социально-правовой коммуникации в современном обществе. Вместе с тем в большинстве теорий, научных выводов и доводов соблюдаются единые точки зрения. Согласно некоторым из них, массмедиа слишком часто удовлетворяют интересы тех, кто уже имеет чрезмерную политическую, правовую и экономическую власть. Не достаточно просто утверждать, что власть медиа – это власть господствующего класса, однако такое утверждение не противоречит действительности. Это лишь означает, что массмедиа являются независимым источником собственной власти и что политическое и экономическое влияние, которое проходит через медиа, исходит из властных центров общества [МаквКвейл 2010: 479].

Г. Кастельс усматривал принципиальное отличие информационно-технологической революции в сравнении с ее историческими предшественниками в том, что если бывшие технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают правовое пространство всей планеты. Это означает немедленное применение к своему собственному развитию технологий, которые информационно-технологическая революция создает, связывая мир через информационную и коммуникативную технологии [Кастельс 2000: 53].

Постепенно разрабатывались технические средства, которые позволили информации перемещаться независимо от ее физических носителей, а также от объектов, которые эту информацию сообщали. Распространение радио, кино, звукозаписи и так называемой информационной литературы заставило обратить внимание на самостоятельное значение этой связи между индивидуумами, которое вскоре стало определенной движущей силой общества [Моль 2008: 28]. Более того, скорость информационно-технологической диффузии выборочная – и социально, и функционально. Разные возможности доступа к информационным технологиям для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина этого процесса – угроза исключения целых сообществ из мировой информационной системы.

Советский и российский ученый С. Капица заметил, что движущим фактором цивилизационного развития оказываются связи, которые охватывают все человечество в единое эффективное информационное поле. Глобальное развитие непременно идет по траектории гиперболического роста, который не могут существенно нарушить никакие катаклизмы или пандемии (см.: [Капица 2007]). В социальном плане это основывается на балансе свободного доступа к информации и регулирующей роли государства как модератора и гаранта соблюдения всеми субъектами системы информационных отношений «определенных правил игры».

Массмедиа настолько тесно связаны с развитием современного информационного общества, что ныне не имеет смысла рассматривать их отдельно как независимый источник власти и влияния. Их деятельность приспосабливается к нуждам, интересам и намерениям бесчисленного количества других общественных учреждений и институций. Предположения, что средства массовой информации зависят от других общественных институциональных договоренностей в обществе, противоречат факту, что другие учреждения также могут зависеть от них. Массмедиа часто единственные практические средства, пригодные для быстрой и эффективной передачи информации и наполнения пропаганды [Луман 2001: 479]. А потому характерной особенностью современного глобализованного мира стала невозможность проведения четкой границы между информационным пространством, с одной стороны, и политическими, правовыми, общественно-экономическими и т.д. – с другой.

Г. Харрис (англ. Harris Robert) в работе «Психология массовых коммуникаций» определяет, что современную коммуникацию делают массовой три фактора:

во-первых, ограниченность точечности при адресации информации;
во-вторых, наличие института средств массовой информации – источника самостоятельной коммуникации;

в-третьих, привлечение и по возможности долгое удержание максимально широкой аудитории в интересах рекламодателей (см.: [Харрис 2002]).

Современные массмедиа позволяют представить новое глобальное сообщество, а следовательно, по-новому возродить идею космополитизма, которая во времена Возрождения и Просвещения пользовалась популярностью лишь у мизерной толики тогдашней элиты. Сегодня новые информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие адресность передачи информации, предоставляют аудитории широкие права в отношении выбора источников информации. Деятельность современных средств массовой информации представляет собой определенную систему правил и установок, которые по своей сути должны предотвращать образование и распространение социально-правовых кризисов или же, что, к сожалению, довольно часто происходит, наоборот, могут их провоцировать.

Одним словом, в процессах формирования системы массового правового сознания современного индивида доминирующую роль играют массмедиа, которые не только репродуцируют, но и самостоятельно создают преобладающую часть массовой информации. Вместе с тем современное понятие массовой информации включает в себя все возрастающую часть массового правового продукта. Этот сегмент массовой информации является неотъемлемой частью развития правового пространства, без которого сегодня невозможно существование большинства современных обществ.

Пришло время, когда современные общества стали информационно зависимыми, то есть такими, в которых информация является главным фактором социализации и ресоциализации человека, объединяющим звеном между индивидуумом и обществом. Таким образом, если мы определяем информационное общество как составляющую правового пространства и такое общество, в котором свобода информации играет ключевую роль, то констатируем, что соответственно возникает и новая область права – информационное право. Именно оно уже устанавливает правила функционирования информационного простора в частности и правового пространства в целом.

Примечательно, что средства массовой информации как подсистема коммуникативных отношений, в пределах которой реализуются механизмы утверждения идей и ценностей права, выступают и основным фактором приближения к нормативам как информационного, так и правового общества. В связи с этим актуализируется двуединая тенденция СМИ: с одной стороны, в современном обществе наблюдается конституирование коммуникаций как одного из основных источников правосознания, а с другой – возрастает общественная необходимость правового регулирования самих коммуникативных отношений [Токарская 2008: 4].

Концепция средств массовой информации как «четвертой власти» сегодня уже юридически закреплена в качестве главного принципа теории демократии. Правовое обеспечение деятельности независимых средств массовой информации выступает ключевым элементом демократического развития, в рамках которого они выполняют жизненно важную роль связующего звена между обществом и властью. Уровень правосознания в системе современной социально-правовой коммуникации также является стойкой нормой демократической политики, и прогресс в этой сфере напрямую связан с процессом становления информационного общества. Недостаточная прозрачность деятельности органов власти и низкий уровень правосознания в обществе часто являются связанными факторами.

Кроме того, в большинстве видов современных обществ функция конструирования правового пространства выполняется преимущественно и благодаря

средствам информирования, которые являются общеправовыми для коммуникативной деятельности индивидуумов. Эти конструкции, которые лежат в основе всех процессов коммуникации, и в особенности таких символически генерализированных коммуникативных средств, как власть или истина, обуславливают и регулируют мотивацию принятия селективных предложений [Луман 2001: 10].

А. Токарская отмечает, что коммуникация – это сложный и многоаспектный феномен, который вправе ассоциироваться на уровне таких понятий, как свобода, мораль, равенство, справедливость... Это не только атрибут обеспечения прав и свобод человека. Потому довольно актуальным является не только ее интерактивная «миссия», но и ее преобладающая ориентированность на правовую рационализацию общественного бытия [Токарская 2008: 32].

Исходя из этой позиции, можно предположить, что уже сегодня само понятие коммуникации подверглось существенным изменениям. Ее невозможно свести лишь к понятию коммуникативного действия или констатировать ее доминанту, как некоего общественного института, например, в качестве эффекта медийного влияния СМИ. Понимание коммуникации уже не удовлетворяет простое механистическое объяснение как трансляция информации из одного места в другое. Наоборот, комбинация теории общественного развития и теории коммуникации требует такого определения понятия коммуникации, которое позволит довести, что именно средства коммуникации являются средствами формирования правового пространства. Однако здесь возникают некоторые опасения.

Возвращаясь к истории, следует отметить, что, несмотря на широкое декларирование в западном мире законодательных гарантий деятельности массмедиа, одним из первых критиков доминирующего положения массмедиа в системе общественного отношения был один из основателей США А. Гамильтон (англ. Alexander Hamilton). Размышляя о нецелесообразности конституционного определения свободы прессы, он отмечал: «Зачем говорить о свободе печати, которая не будет ограниченной, если никому не предоставлена никакая власть, с помощью которой можно наложить такие ограничения? Более того, если упоминание о такой свободе было бы в Конституции, оно в первую очередь угрожало бы тем, что поставило ее над другими возможными свободами, не менее важными, но оказавшимися в невыгодном положении из-за своего отсутствия в документе [Консерватизм 2008: 155]». Тем не менее 15 декабря 1791 г. Конгресс США одобрил «Биль о правах», первая поправка которого провозглашает, что конгресс не имеет права выдавать законы, которые ограничивают свободу слова, печати и права народа мирно собираться... Все же, роль этого документа в истории развития массмедиа колоссальная.

Тезис необходимости правового обеспечения свободы слова позднее был нормативно закреплен в положении «Общей декларации прав человека», принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. В этом, знаковом для развития современной системы правоотношений документе принципу свободы выражения взглядов был предоставлен наивысший правовой статус. Так, статья 19 гарантирует, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное их выражение; это право предусматривает свободу беспрепятственно придерживаться собственных убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию, а также идеи любыми средствами независимо от государственных границ [Пособие по вопросам свободы выражения 1999: 9]».

Практически в то же время исследователями массовых коммуникаций было выделено пять возможных функций медиа:

1) предоставлять «правдивый, полный и понятный отчет о событиях в том контексте, в котором они приобретают смысл»;

- 2) служить «форумом для обмена мнениями и критическими высказываниями», то есть быть – «коллективным проводником» общественного диалога;
- 3) формировать и представлять общественно-правовые ценности;
- 4) представлять общую картину представительства разных общественных групп;
- 5) юридически гарантировать полный доступ к информации.

Далее, Монро Прайс отмечает, что во всех демократических обществах система средств массовой информации выстроена по-разному, никакой конкретный сценарий развития массмедиа нельзя считать «существенной» частью программы демократизации. Развитие свободных, независимых СМИ может принимать много разных форм, а у свободы и независимости может быть много градаций. Важно понять, какой должна быть пресса и каковым должно быть общество, чтобы построение демократических институтов шло в нормальном русле [Прайс, Круг 2000: 7].

При этом, формируя правовое пространство, сегодня массмедиа уже перестали функционировать лишь как форма правоотношений, проводник, объединяющее звено между обществом и властью. Тесно связанные с правовой системой и публичной сферой, средства массовой информации уже играют двойную роль: не просто трансляция и репрезентация информации, а формирование и продвижение общественно-правовой мысли. Причем именно последняя задача СМИ становится наиболее важной.

Уже очевидным является то, что современное общество стало коммуникационным объектом. И в нем те механизмы государственного правового управления, которые, казалось, еще недавно были довольно эффективными, стали несостоятельными к выполнению своих основных функций. Авторитарные методы, основанные на классово-производственных отношениях, для индустриального и постиндустриального общества оказываются абсолютно не пригодными для обеспечения действенного контроля над динамическими, нестабильными общественно-правовыми процессами, которые возникают в условиях открытости информации.

С помощью коммуникации информационное общество может информировать себя о собственных коммуникациях, подвергать информацию сомнению, отвергать ее, нормировать коммуникации как допустимые или недопустимые и т.д. Тем самым становится очевидным дуализм вещей: что общество есть коммуникативной и самореферентной системой и что оно не только может использовать свой образ коммуникаций, но и должно это делать, чтобы создать коммуникацию самореферентной операцией. Исходя из этой позиции, можно попытаться сформулировать **понятие нового информационного общества как составляющей правового пространства: это всеобъемлющая система всех коммуникаций, воспроизводящих себя в совокупности всех видов коммуникаций, и прежде всего в институте средств массовой информации.**

Библиографический список

Капица С. Демографический переход и будущее человечества // Вестник Европы. 2007. № 21 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/21/ka3.html>

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Консерватизм: Антология. 2-е изд. / упряд. О. Проценко, В. Лесной. К.: Изд. дом «Пространство», «Факел», 2008. 778 с.

Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

МакКвейл Д. Теория массовой коммуникации / пер. с англ. О. Возьна, Г. Сташкив. Львов: Летопись, 2010. 538 с.

Моль Абраам. Социодинамика культуры: пер. с фр. / предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

Пособие по вопросам свободы выражения / пер. с англ. К. Лаба. К.: IREX Промедиа Украина, 1999. 224 с.

Прайс Монро, Круг Питер. Благоприятная среда для свободных и независимых средств массовой информации. М.: Центр демократии и государственного управления при Агентстве США по международному развитию, 2000. 52 с.

Токарская А. правовые аспекты общественной коммуникации. Львов : ред. – изд. комплекс ЛьвГУВД, 2008. 144 с.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 448 с.